

НИНА

ДАШЕВСКАЯ

Встречное движение

Нина Дашевская

Я не тормоз

«Самокат»

2016

Дашевская Н.

Я не тормоз / Н. Дашевская — «Самокат», 2016 — (Встречное движение)

ISBN 978-5-91759-515-3

Обычный человек так бежит, когда на поезд опаздывает. А для Игната — нормальная скорость. Самое то, на роликах или на самокате. Так лучше ощущаешь связь с миром, а в нем всё интересно: и люди, и город, и музыка, и книги... да всё. И мыслей об этом у Игната полно. Своих, ни у кого не занятых. Только вот делиться он ими не любит, да и не с кем — кто же за ним поспеет? Хотя Игната все любят. Он это случайно как-то понял — удивительно, да? Но он много чего, оказывается, еще не догоняет. Например, что у него друг есть на самом деле. И не один. Или что некоторые всерьез собираются жизнь посвятить помощи другим людям... Ничего, он не тормоз, догонит. В общем, да, иногда и самокатному ангелу надо отдохнуть. Повесть «Я не тормоз» писательницы Нины Дашевской, уже хорошо известной и полюбившейся читателям по книгам «Около музыки», «Вилли», стала победителем конкурса детской книги «Книгуру» в 2015 году.

ISBN 978-5-91759-515-3

© Дашевская Н., 2016

© Самокат, 2016

Содержание

Лёвка	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Нина Дашевская

Я не тормоз

© Дашевская Н. С., 2016

© Издание на русском языке, ООО «Издательский дом “Самокат”», 2016

* * *

* * *

– Игнат, ешь медленно! Жуй, Игнат! У тебя тридцать два зуба для этого!

– Двадцать восемь, – говорю я. Правда двадцать восемь, я считал.

Я и сам себе говорю: ешь медленнее! Потому что съел и сидишь, а остальные ещё жуют.

Если один дома, то нормально – поел и пошёл. А если люди? Сидишь, а они едят, едят...

Тогда достаёшь телефон, потому что скучно же смотреть, как другие едят! Папа меня страшно ругает за телефон этот. Но он редко дома бывает.

А в школе я стараюсь есть один.

Но тут у маминой подруги Жени был день рождения, и она нас с Лёвкой тоже взяла. И вот тут я говорил себе: ешь медленнее! Но не получалось медленно – вкусно ведь! А Женя эта мамина всё говорила: а-а, ты уже всё съел! Растущий организм! Я тебе ещё положу! Я отбрыкивался, а она всё равно.

А потом ещё торт!

В общем, я объелся, как никогда в жизни. Там один дядька за столом смешное рассказывал, а я даже смеяться не мог! Никогда в жизни не буду столько есть. Люди в некоторых странах, вон, голодают, а я продукты перевожу...

* * *

Левой, правой. Самое лучшее на свете – ролики эти. На них у меня голова проветривается. Лечу, рассекаю... Воздух свистит, я чувствую его – воздух. Только не наушники, это не люблю: тогда я теряю окружающий мир и страшно. И потом, отвлекает.

Наушники я люблю дома. Будто отгородился ото всех и сидишь один со своей музыкой.

А на улице не люблю уши затыкать. Я люблю город слышать. Я его люблю, город свой. На роликах очень круто по нему: левой, правой!

Если бы только машин поменьше. Я читал, в Стокгольме так: машин мало, и все на велосипедах. Но велосипед у нас негде хранить. И поднимать неудобно на девятый этаж. А самокат или ролики – пожалуйста.

Я решаю обычно так: если мне потом в метро, то лучше самокат. Если же можно без метро, то ролики проще. Быстрее. Но это если лестниц нет на пути. Вообще можно будет исследовать, что лучше. Самокат vs ролики. Когда-нибудь займусь. В школе можно, там часто времени полно. Если не забуду.

* * *

– К доске пойдёт Зайцев.

Все вокруг тихонько хихикают. Ну и что, и что? Сколько уже можно, надоело.

Иду к доске, решаю задачу эту. Простая.

– Игнат, куда ты торопишься? На поезд опаздываешь?

– Я не тороплюсь, – пожимаю я плечом, – я как всегда...

В общем, пропустил я действие. Ну и что; ответ-то правильный. Я в голове уже потому что сосчитал и забыл записать. Руки у меня не успевают за головой.

– Ладно, – говорит она, – пять с минусом. Хотя вообще это ошибка.

– Ответ же правильный, – говорю.

– Решение тоже имеет значение. Мне нужно видеть, как ты мыслишь.

Ещё чего. Чтобы кто-то видел... Мои мысли – моё личное дело, нечего...

– Ой, Игнат, а почему тебя в журнале нет?

– Потому что я не Зайцев, а Волков, – говорю в сотысячный раз. Никогда не запомнят, я уже не поправляю.

Иду на своё место и задеваю ведро; оттуда вываливается швабра и лупит меня по голове.

Опять.

Это мои грабли, швабра эта.

– Зайцев! Тебе самому не надоело в классе клоуном быть?!

– Я Волков, – говорю я.

Вот скажите, это такие похожие фамилии, да? Заяц и волк – это совсем-совсем одинаковые звери. Да? Или мне не подходит фамилия Волков?!

* * *

Может, если бы я был брюнетом, меня не звали бы Зайцевым. А так – волосы жёлтые.

Дурацкий цвет, как у Иванушки-дурачка. Жёлтые и торчат. Первый день голову помоешь – нормально; а на второй – уже будто сто лет не мыл. Я пробовал стричься коротко, вышел ужас. Будто один нос на лице торчит, причём на чужом каком-то лице. Лучше уж так, как есть: отросли – и нормально вроде, лицо не очень видно.

Но зайцы же белые! Или серые, русаки, там. Разве бывают такие жёлтые?

Или у меня лицо травоядное, не хищное? Лицо как лицо. Ну, не хищное. Но при чём тут зайцы?!

Обидно, в конце концов. Никакой я им не Зайцев.

И ещё имя: Игнат. Нормальные люди вообще мои родители, нет?.. Ну, это папа назвал. В честь друга, который погиб. Папа, наверное, хотел, чтобы я был на того Игната похож. А я не похож. И что мне теперь?.. Винават я, да?

Знаете, как меня бабушка зовёт? Ну, как думаете?.. Натик. Ы-ы-ы.

Хотя, с другой стороны – хорошо, что папиного друга звали не Сигизмунд, например. И очень плохо, что он погиб. Он, конечно, был очень хороший. И его имя осталось бы при нём, а мне бы досталось Лёвкино.

А вот Лёва. Я же им говорил, что так нельзя: Лев Волков. Зоопарк какой-то! Но они разве послушают... Мама всю жизнь, оказывается, хотела, чтобы сын – Лёвка, Лёвушка. И не виновата она, что папа Волков оказался.

– Есть же Лев Лосев, – сказал тогда папа. – И Волков – это не Зайцев. Если бы Зайцев, тогда глупо: заяц и лев. А волк что? Вполне самостоятельный зверь.

И он туда же. Его-то, кстати, никогда в жизни Зайцевым не называли, никто.

* * *

Хочу обогнать и не могу. Время останавливается. Я еду на этом эскалаторе сто лет. За это время у меня выросла борода. Я прямо чувствую, как она лезет. Потом седеет...

Уф, прыгиваю с эскалатора. Обгоняю эту, с телефоном. Тычет туда ногтями своими раскрашенными, фу... И встанет же слева, не обгонишь; кому талдычат каждый день: стойте справа, проходите слева!

...Ставлю самокат – и вижу: переднее колесо всё ещё крутится.

Вечный двигатель.

Оно крутится сто лет, с того момента, как я вскочил на эскалатор.

Я всё-таки успел, чудом. Сменку не переодел, проскочил так, куртку бросил на решётку в гардеробе – так можно, когда опаздываешь. Ф-фу! Успел.

Влетел секунду до звонка; то есть за секунду, ух, пропускаю предлоги, ещё будто бегу. А разогнался – не могу остановиться. Прямо чувствую, как у меня там всё внутри: сердце колотится, кровь к ушам почему-то, зачем она сейчас ушам?!. Горят, как фонари.

– Седьмой кла-асс, достаём уче-ебники, – бесконечно тянет Марго. Надо же так медленно говорить! И всё стало так медленно... Я бы уже всё сделал давно! А так... Бесконечные сорок пять минут.

Время застывает, как асфальт. Вообще не двигается. И я начинаю дёргаться. И сам понимаю, что дёргаюсь, как дурак, как псих. Сорок пять минут неподвижного сидения для меня – невыносимо.

– Не вертись! – говорят мне.

Да я и не верчусь вроде. Ноги затекли только.

Ручка падает. Почему ни у кого не падает, а у меня – всегда? Катится, катится, ка-тит-ся, щёлкая рёбрами по парте, докатывается до края – ап! Я ловлю. Медленно падает потому что.

Рёбра у ручки. И у меня рёбра. Об них сердце колотится: тук, тук. Двигаются рёбра, когда дышу. Там лёгкие внутри мягкие, рёбра их берегут, но и не дают вдохнуть глубже, мне бы глубже ещё... Наполнить лёгкие, расправить, как дирижабль... Я бы тогда полетел под потолок. Смешно. Рёбра жёсткости. Рёбра, бра, бр-р-р. Слово само такое – как ручка стучит.

– Откры-ыли два-адцать шесту-ую страни-ицу!

Открываю. Смотрю. И никак не могу понять, какое отношение имеют эти графики функций... А, чёрт, литература же! Другой учебник!

* * *

На обложке написано: «Литература». Я давно уже прочитал его, этот учебник, в первую неделю сентября. Всегда говорю себе: не читай! Что потом делать будешь?.. Но всё равно прочитаю. Они чего-то говорят на уроке, обсуждают... Нет, я слушаю. Когда, например, Тонька говорит, всегда интересно послушать. Правда, она давно уже не говорит, это я отключился. Литература. Хорошее слово, длинное.

Литр.

Трата. Утрата.

Талер.

Алеут!

Отличное какое это «алеут», прямо горжусь.

Трёхбуквенные слова я не пишу. Это слишком легко. Потом, когда у меня наступит ступор, я могу их сразу все написать, есть алгоритм. А сейчас... Шесть букв – это удача. Пока только одна «утрата» получилась.

О! *Раритет.*

Проверил – точно, подходит! Йес!

– Волков, ты о чём сейчас таком думаешь, а?

Вот же, это я вслух заорал «йес», что ли?!.

– О литературе, Маргарита Павловна, – совершенно честно отвечаю я.

Потом ко мне Яценко подошёл, просил показать, во что я играю.
– Как ты без телефона играешь? У тебя гарнитура, что ли, какая стоит?
Неумный человек, не понимает, как без телефона можно играть!

* * *

Друзей у меня нет. Ну, можно сказать, я со всеми дружу; врагов у меня нет тоже. Но так, чтобы прямо друг – нет. Они все какие-то слишком медленные, не догоняют меня. Рассказывают там чего-то... Я уже давно понял! А они объясняют, объясняют... так медленно! Они думают, что я тупой?!. Или вот в столовую мы идём. Если идти с кем-то, обязательно притащишься к середине перемены, и там будет очередь на километр. А если никого не ждать, то они приходят, а я уже всё купил! И даже почти всё съел. Ненавижу тратить время на еду. Ведь можно ещё кучу всего успеть!

Ай! У-у-у, почему у меня всё падает!!! Хорошо, стакан поймал, подхватить успел. А чай... его не подхватишь, такой вот закон природы.

Правда, я редко пешком хожу. Пока асфальтовый сезон, стараюсь на колёсах. Самокат, ролики, там. Доску осваиваю, такой маленький скейт, но пока не очень научился. Лучше всего на роликах: надел – и привет! И никого не ждать.

* * *

Толчковая – правая. А еду левой. Это главное. Главная нога – не та, которой толкаешься, а которой на самокате стоишь. Конечно, можно и поменять ноги. Вроде бы всё то же самое делаешь. Но снижается и скорость, и маневренность. Устаёт не та, что толкается, а та, что везёт. И толкаться надо грамотно, ногу ставить на препятствия. На трещины, там. Ну, и плитки жёлтые контактные: ногу ставишь на них, чуть приподнимаешь самокат и толкаешься. Хотя вообще, конечно, я падал не раз на плитках этих. Надо бы, в идеале, место оставлять, чистый асфальт, чтобы можно было объехать.

А если лететь под гору, то я стою двумя ногами, правую ставлю крепче, переносу на неё вес тела. Чтобы разгрузить левую, рабочую.

Ещё вот что важно: конфета от горла, леденец. Почти всегда в кармане. От скорости у меня перехватывает в горле, от холодного воздуха; и почти всегда на выходе – кашель и насморк. И леденец очень помогает. Если сразу за щёку его. Всякие, там, с эвкалиптом или просто мятные.

На самом деле я часто забываю это – про леденец. И потом горло болит. Но если бы я писал самоучитель езды на самокате, я бы не забыл. У нас холодная страна. Без леденца за щекой никак.

А в метро на самокат можно повесить сумку. Главное, чтобы он не укатился и не хлопнулся на пол. Я так однажды сметану не довёз – обычную, в пластиковой таре. Она в пакете была, и я этот пакет на руль повесил, а самокат грохнулся. Треснула эта ваша тара, всё вылилось, весь пакет потом в сметане этой...

Самое странное, что в том же пакете были яйца. И ни одно не разбилось. Это странно, но факт.

Почему я на метро ехал с продуктами? Я же всегда возле дома покупаю. Не помню...

* * *

Рядом в метро стоит девушка в синем пальто, читает книжку. Заглядываю – стихи. Вот странно. Я не могу читать, всё-таки неловко, но вижу – стихи.

Не люблю стихов, я их не понимаю. Может, от того, что это медленное чтение. Я пробовал читать, но от меня всегда мысль уходит, о чём это. Ну, читаешь. И понимаешь: тут определённый ритм есть, тарарарам, парам-парам. А глаза этого ритма не выдерживают, дёргаются вперёд, вниз скользят, ищут – про что? Что было, чем кончилось?.. Потом назад... Так и бегают по странице, и никак не улавливается смысл. А если улавливается – всё оказывается просто: смерть, там, или любовь, или дерево растёт. Ну, я упрощаю, конечно. Но всё равно непонятно, чего было огород городить.

Я вообще быстро читаю, пропускаю иногда слова или целые предложения, если понятно, о чём речь. Если мне книга нравится, то я себе говорю: читай медленно! Давай-давай, каждое слово! И так внимательно, медленно читаю пять строчек... И оказывается, что это было такое напряжение для меня! И я ничего не помню. И тут же срываюсь опять.

Вот говорят: не глотай! Мама говорит, папа, да и Марго тоже: не глотайте книги! Читайте медленно, вдумчиво, там... А я не могу. Если я иду медленно, у меня мышцы начинают болеть, я устаю, как чёрт! И то же самое с книжками. Не могу я медленно!

Или ещё вот я себе говорю: не смотри в конец. Не подглядывай! И потом выходит, что я, пока читаю, только и думаю, что там, в конце. И всё пропускаю. Я какой-то неправильный читатель, наверное.

Лёвка

Я забираю Лёвку из садика. Это моё частое дело; иногда оно случается довольно некстати, но в целом я это люблю. Мне нравится, как Лёвка мне радуется.

– Иг! На-а-ат! – кричит он. Слышит мой самокат, когда я ещё только подъезжаю к их площадке.

И воспитательница меня любит. Одна. Вторая – нет, она противная, и её не любит ни Лёва, ни я. Полная взаимность. И она мне всегда на Лёвку жалуется. А та, которая любит, – никогда. Хотя обе одинаково пихают мне в руки Лёвкины мокрые носки и грязные майки – он всегда обливается, каждый день почти. И у него там есть запас чистого, каждый день ему приносим это чистое, а забираем вот что. Я бы на него злился, если бы сам не был таким безруким. Но у меня уже лучше, не каждый день проливаю. Лёвка тоже вырастет и научится. К пакету с грязными вещами я привык.

Мы вешаем его на самокат. Потом Лёвка встаёт ближе к рулю, ставит ноги в какую-то там балетную позицию, чтобы мои ноги тоже поместились. И мы мчимся вместе. Мчим!

Очень неудобно, конечно, вдвоём, потому что Лёвка иногда тоже пытается рулить. И если вверх, и если бордюры – ужас как неудобно, я весь взмокший привожу его домой.

Зато вниз!

Это называется даунхилл. Когда вниз, под гору, и можно не толкаться, просто летим! Наша общая масса увеличивает скорость.

У-у-у-ух!

Ч-чёрт, навстречу выскочил парень на роликах. Вот же псих, я еле успел затормозить! Куда смотрит, не видит, что я с ребёнком?!

Ну да. Он не виноват. Он просто ехал так быстро и не предполагал, что кто-то тоже может гнать в таком темпе.

Ладно, без травм, и хорошо.

– Совсем уже! – кричит ему в спину Лёвка.

– Не надо, Лёвка. Не ругайся. Мы тоже, знаешь... Превышаем.

* * *

Такое удовольствие – лететь по пустому переходу. Потому что никогда асфальт не бывает таким гладким, как плитки в переходе. Тем более я только что из метро – ноги задеревенели столько стоять. И если никто из прохожих не мешает, то – ух!

Боковым зрением замечаю человека, который стоит, просто стоит. Или продаёт что-то, или денег просит... А, ну да. Костыли.

Вот же, а. Я будто сразу виноват, что могу вот так наворачивать на самокате своём, а он – нет.

Проезжаю мимо, потому что уже разогнался. И ещё потому, что... Ну, у меня есть деньги. Но они не мои как бы. «Будешь сам зарабатывать – можешь раздавать направо и налево», – сказал мне как-то папа. Это я тогда Яценко денег дал в долг, он просил очень. До сих пор, кстати, не отдал. Забыл, наверное. А напомнить неловко.

Буду сам зарабатывать – тогда да. А так неловко мне. Не знаю, как правильно в этой ситуации; и уехал уже давно оттуда, не думать бы. Но думается само.

* * *

Когда торопишься, главное – не забывать дышать. Пока не увидишь на часах 8:30, ты ещё не опоздал, даже если ты за сто километров. Я передвигаюсь в пространстве быстро, заоблачно быстро. Прибавляю скорость, и время пути стремится к нулю. Стремительно стремиться. Время – стремя. Надо будет использовать когда-нибудь. Что общего у слов «стремительный» и «стремя»... Так, о чём я... А, стремится к нулю. Мне кажется, если я поднапрягусь, то время станет отрицательной величиной. И я окажусь в точке В раньше, чем вылетел из А.

* * *

А, вот. Ещё. Давно было, Лёвка совсем маленький был. Я домой пришёл и вдруг слышу его голос:

– Гад! Гад!

Что это ещё такое?!. В садик он ещё не ходил, откуда нахватался таких слов?!

– Гад! – радостно кричит он, выскакивает из комнаты и обхватывает мою ногу. Так это он меня ругает, что ли?!

– Да, – кивает радостная мама, – это Игнат пришёл, Игнат!

...И тут до меня доходит. Это моё имя! Никакой не «гад», а «Игнат», он так выговаривает!

– У-у-у, ты что, не слышишь?!.

Мама радуется новому Лёвкиному слову и даже не замечает, что моё имя ругательно звучит!

– Ну вы меня и назвали... Ужас какой-то, – я вздыхаю, стаскиваю кеды. И думаю, как будет круто, когда Лёвка будет мне на улице кричать «Гад!» на весь двор!

...Так и вышло. Правда, этого слова «гад» никто не замечал, кроме меня. А я целую неделю дрессировал его:

– Лёва, скажи: Иг-нат! Не «гад», а «Иг-нат»!

– И-гаад! – старался Лёва.

И что вы думаете? Уже через неделю он научился! Чисто-чисто! Правда, до сих пор в его исполнении моё имя звучит раздельно: Иг Нат. Будто двойное, как в книжке какой-нибудь фантастической или в кино.

* * *

Когда Лёвка был совсем младенцем, он очень орал. Ну, постоянно просто. Переставал только, если взять его столбиком, чтобы голова из-за моего плеча назад смотрела, и так с ним надо было ходить; и желательно стихи какие-нибудь читать заунывным голосом. Тогда он такой становился тихий, как зайчик. Я для него даже Пушкина выучил, о царе Салтане: легко учится, только не забыть, когда что повторять. И к «белка там живёт ручная» я обычно думал, что Лёвка уже уснул. Подойду спиной к зеркалу, а сам через другое плечо смотрю: спит? Нет, хлоп-хлоп глазищами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.